

Реабилитация революционного романтизма (1932)

Постановление от 24 апреля 1932 г., призванное создать «единый и нераздельный фронт» под прямым руководством партии, само по себе не содержало указания на новый творческий метод. Несмотря на то, что постановление не было одобрено Горьким¹⁶, и что перевальцы отказались от самороспуска, понятие «социалистического реализма», которое было впоследствии выработано, отвечало их стремлению к синтезу реализма и романтизма¹⁷, но уже на основе и на службе партийности. Принятое определение соцреализма означало одновременно отказ от «диалектико-материалистического метода» РАППа, который слишком сильно обнажал действительность¹⁸, и реабилитацию революционного романтизма, который мог ее приукрашивать. Но место революционного романтизма в соцреализме вызвало споры (в частности, о том, быть или не быть революционному романтизму вторым методом наравне с соцреализмом).

Если верить В. Кирпотину (тогдашнему секретарю Оргкомитета СП СССР), «первоначально склонялись к тому, что возможны, как равноправные, два метода — социалистический реализм и красный романтизм. Видимо, Сталин соглашался с таким решением, а Гронский, зная об этом, заказал специальную статью П. Рожкову¹⁹». Сам термин «основной» (метод) должен был указать на возможность других методов²⁰. И. Гронский, председатель Оргкомитета СП СССР, приближенный Сталина²¹, оспаривает воспоминания Кирпотина (термин «основной» был лишь «тактическим» ходом, метод был прежде всего «партийным») и пишет: «О романтизме, как о втором и равноправном методе литературы и искусства, никто из руководителей партии и членов Комиссии Политбюро ЦК никогда и ничего не говорил. Это вовсе не значит, что о романтизме вообще не было разговоров. Напротив. О романтизме говорилось, и говорилось много, но только не как о втором самостоятельном и равноправном соцреализму методе, а как об одной из его граней (“правомерность мечты”, “прозрение будущего”, “пафос созидания”, “эмоциональная приподнятость повествования”, “показ (идеализация) новых людей — героев нашего времени, строителей социалистического общества” и т. д.). Так, и только так трактовали романтизм в своих выступлениях и беседах с деятелями литературы и искусства И. В. Сталин, А. М. Горький, П. П. Постышев, А. И. Стецкий и я, как председатель Оргкомитета»²².

Расхождения мемуаристов отражают расхождения в понимании статуса революционного романтизма. Отсутствие протоколов совещаний руководителей партии с писателями, проходивших в 1932 г. у Горького, как и текста речи самого Сталина о романтизме²³ лишает нас возможности проследить ход определения статуса революционного романтизма партийным руководством. Но в выступлениях участников первого пленума Оргкомитета СП и вплоть до первого съезда СП споры не утихали²⁴. Луначарский отводил романтизму роль «примеси», «украшения из будущего»²⁵. Фадеев не сразу пришел к признанию узаконенного революционного романтизма: сначала он отводил ему только частную и переходную функцию: «Так называемый романтический прорыв в будущее является одной из сторон подлинного реализма»²⁶. «Пока будет происходить процесс ликвидации классов, до тех пор будет существовать революционная романтика»²⁷.

Только ближе к съезду Фадеев признает революционный романтизм в качестве «необходимой стороны» соцреализма: «Социалистический реализм не только не исключает революционной романтики, а, наоборот, предполагает и утверждает ее как необходимую сторону социалистического художественного творчества»²⁸. Это была не чисто конъюнктурная эволюция: предпосылки содержались уже в статье «Долой Шиллера!», где, ссылаясь на Ленина и Писарева, Фадеев говорил, что «художник пролетариата будет не только самым трезвым реалистом, но и самым большим мечтателем: последнее вовсе не является привилегией романтика».

Если Фадеев говорил о революционном романтизме только как об одной из «сторон» соцреализма, то Гронский, отрицавший в 1972 г. идею о двух равноправных методах, высказался в своей речи на первом пленуме Оргкомитета СП о романтизме как о другом «течении» или «направлении», сосуществующем с соцреализмом: «Мы за романтизм социалистический, революционный, за романтизм, который нам раскрывает пути движения, который помогает нам показать цель движения, дать перспективу массам»²⁹. В речи Кирпотина (несомненно утвержденной Гронским) понятия «соцреализм» и «революционный романтизм» представлены как взаимосвязанные: «Когда мы говорим о социалистическом реализме, то это не значит, что ему противоречит, что с ним вступает в конфликт революционный красный романтизм. Наоборот, мы живем в героическую эпоху»³⁰.

Снятие противоречий между революционным романтизмом и соцреализмом отвечало желаниям Горького. Революционный романтизм во многом обязан Горькому своей реабилитацией. На совещаниях 1932 г. Горький «высказывался о романтизме неоднократно»³¹. В. Кирпотин пишет, что «проблема (романтизма) подверглась обсуждению на совещаниях у Горького. Вопрос о судьбах романтики особенно близко задевал Алексея Максимовича... Вопрос был поставлен, и ответ нашелся: конечно, социалистический реализм не только не исключает и не запрещает романтики и романтизма, а, наоборот, дает им новую жизнь... Пришли к мнению и терминологически условились, что методологические корни и социалистического реализма, и социалистического романтизма одни и те же»³². Революционный романтизм становится «социалистическим» и этим сближается с соцреализмом. Перед съездом ССП Горький упорно ставил знак равенства между революционным романтизмом и соцреализмом. «Революционный романтизм — это, в сущности, псевдоним социалистического реализма, назначение коего не только критически изобразить прошлое в настоящем, но и главным образом — способствовать утверждению революционно достигнутого в настоящем и освещению высоких целей социалистического будущего»³³. В «Беседе с молодыми» он говорил о «естественном романтизме», «который для нас — под псевдонимом “социалистического реализма” — необходим»³⁴.